

Д. О. Серов

ПОСЛЕДНИЕ ДЬЯКИ: ИЗ ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКИХ ЧИНОВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

В ряду преобразований Петра I, столь многое переменявших в государственном устройстве и социальном укладе России, особое место заняло реформирование системы гражданских чинов, которое явилось одной из значимых граней административных преобразований 1699–1723 гг., затронувших все звенья отечественного государственного механизма. Совершенно очевидно, что без освещения изменений в иерархии и составе гражданских чинов невозможно составить целостное представление ни об административных преобразованиях первой четверти XVIII в., ни об истории государственной службы и бюрократии того времени.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о развитии системы гражданских чинов в петровское время вовсе не привлекал внимания исследователей. Историографическая ситуация сложилась, однако, таким образом, что этот вопрос был затронут преимущественно в рамках изысканий, посвященных Табели о рангах 1722 г.¹ Но ни одной специальной работы о преобразовании системы российских гражданских чинов в первой четверти XVIII в. на сегодняшний день так и не появилось.

Настоящая статья являет собой первую попытку рассмотреть совокупность изменений в системе канцелярских чинов петровского времени. Наибольшее внимание в статье уделено сюжету о ликвидации чина дьяка в контексте судьбы дьяческого корпуса в 1700-е — начале 1720-х гг.

Источниковую основу статьи составили главным образом документы фонда 248 «Сенат и его учреждения» Российского государственного архива древних актов. Именно в этом необъятном фонде отложился основной массив документации о производстве в старшие канцелярские чины за 1711–1725 гг. Соот-

ветствующие сенатские указы 1715–1721 гг. (по большей части с сопровождающими документами) оказались компактно включенными в состав книг 647, 648, 649 и 650.

Кроме того, в собрании фонда 248 благополучно сохранились отличающиеся высокой степенью полноты записные книги сенатских и адресованных Сенату именных указов за 1719–1722 гг. (книги 1882–1887 и 1889). В отмеченные материалы сенатского делопроизводства не попали лишь указы о производстве в старшие канцелярские чины по синодальному ведомству за 1721–1722 гг. (их насчитывается незначительное количество) да некоторые сенатские и именные указы 1718–1721 гг.

Что касается публикаций документальных источников по теме статьи (источники повествовательные при ее подготовке не привлекались), то здесь следует отметить прежде всего «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого».² В этом известном шеститомнике в форме пересказа изложено содержание значительного количества сенатских документов за февраль 1711 — июнь 1716 гг., включая материалы дел о производстве в дьяки. Помимо этого, необходимо упомянуть об изданном А. И. Успенским списке дьяков 1699 г., а А. В. Захаровым — боярском списке 1706 г., который (как и все боярские списки прочих лет) завершался разделом «Дьяки».³

Систему канцелярских чинов, существовавшую в России к началу административных преобразований Петра I, емко и выразительно описали в коллективной челобитной 1686 г. переводчики Посольского приказа: «Подьяческой чин, быв в молодых, переменяются в средние, а из средних в старые подьячие. А из старых за свои приказные работы получают государскую

¹ См., прежде всего: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 52–76, 84–87, 89–93, 100–107; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 191–204.

² Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. В. Калачева и Н. Ф. Дубровина. СПб., 1880–1901. Т. 1–6 [вып. 1].

³ См.: Дьячий подлинный список 1699 года / публ. А. И. Успенского // ЧОИДР. 1904. Кн. 4. Смесь. С. 27–29; Захаров А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 278–309. См. также подготовленные этим же автором сводные персональные данные по материалам боярских списков 1700–1713 гг.: Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII в.»: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl>.

милость, чин диачества, радуются и веселятся в государской милости с женами и детми...».⁴

Иными словами, в челобитной констатировалось, что на исходе XVII в. основными канцелярскими чинами в России являлись: молодой подъячий, подъячий средней статьи, старый подъячий, дьяк. По вполне понятной причине в челобитной переводчиков остались неупомянутыми подъячий с приписью (занимавший положение между старым подъячим и дьяком) и подъячий со справой (занимавший положение между подъячим средней статьи и старым подъячим): эти чины были сравнительно редки, и к тому же такие подьячие отсутствовали в штате Посольского приказа. Рассмотрение вопроса о реформировании в первой четверти XVIII в. старомосковской системы канцелярских чинов имеет смысл начать с веселящего «чина диачества».

Появившийся еще во времена Ивана Калиты чин дьяка получил распространение после завершения централизации русских земель. И чем разветленнее по структуре и многочисленнее по кадровому наполнению становился отечественный государственный аппарат, тем более возрастало в нем значение дьяков. Будучи обыкновенно знатоками как законодательства, так и техники делопроизводства, обладая изрядным профессиональным и житейским опытом, уверенно ориентировавшиеся в хитросплетениях ведомственных интересов и в дебрях судопроизводства, ревностные хранители приказных традиций, дьяки цепко держали в руках нити канцелярского правления, обеспечивая бесперебойную работу год от года усложнявшегося государственного механизма России.

Эволюция дьяческого корпуса (к этой теме впервые обратился в середине 1880-х гг. Н. П. Лихачев) изучена неравномерно: если дьячество XV–XVI вв. оказалось исследовано едва ли не всесторонне,⁵ то дьяки XVII в. удо-

стоились меньшего внимания ученых,⁶ и, наконец, вовсе никаких специальных изысканий не было предпринято о дьяках начала XVIII в. Что же касается ликвидации чина дьяка, то по этому поводу в литературе уже не раз высказывалось общее суждение о замене чина дьяка чином секретаря,⁷ однако никаких подробностей о процессе замены не приводилось, если не считать подборки примеров в монографии Е. В. Анисимова 1997 г.⁸

XVIII век Россия встретила с внушительным дьяческим корпусом. Из упомянутой публикации А. И. Успенского явствует, что по состоянию на январь 1699 г. в стране насчитывалось 143 дьяка. Сообразно существующему в то время построению государственного аппарата, основная часть дьяков трудилась в центральных ведомствах в Москве. Лишь 29 дьяков (20,2% списочного состава) находились в «городах з бояры и воеводы».⁹

Список дьяков 1699 г. отразил, несомненно, высшую точку в развитии дьяческого корпуса России. В отличие от XVII в., когда численность дьяков непрерывно возрастала, в 1700–1712 гг. их количество стало мало-помалу, но неуклонно сокращаться. В боярском списке 1706 г. были упомянуты уже 134 дьяка (включая семерых умерших и одного находившегося в плену).¹⁰

В боярском списке 1708 г. дьяков было упомянуто 133 (из них восемь умерших), а в боярском списке 1709 г. — 127 (из них пять

⁴ РГАДА. Ф. 138. 1696 г. № 16. Л. 10–11. Цитирование приведенного фрагмента в литературе см.: Белокуров С. А. О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. С. 144–145.

⁵ См.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования. СПб., 1888; Он же. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // Изв. Рус. генеал. о-ва. СПб., 1900. Вып. 1. С. 114–119; Шмидт С. О. О дьячестве в России середины XVI века // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. М., 1963. С. 181–190; Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1971. Т. 87. С. 219–286; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 233–239; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 65–67, 74–78, 159–264, 288–294.

⁶ См.: Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века // Ист. зап. М., 1937. Т. 1. С. 220–239; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 75–80, 90–105, 157–165 и др.; Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 80–87, 556–577; Brown P. How Muscovy Governed: Seventeenth-Century Russian Central Administration // Russian History. 2009. № 36. P. 505–511, 518, 519. См. также интересные наблюдения о дьяческой среде XVII в.: Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С. 181, 182; Plavsic B. Seventeenth-Century Chanceries and Their Staffs // Russian Officialdom: The Bureaucratisation of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980. P. 19–45; Новохатко О. В. Управленцы среднего звена в XVII веке: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // Отечественная история. 2005. № 3. С. 158–167.

⁷ См., например: Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат в царствование Петра Великого // История Правительствующего Сената за двести лет 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 1. С. 150; Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1964. С. 233.

⁸ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 189, 190.

⁹ Дьячий подлинный список 1699 года. С. 28, 29.

¹⁰ См.: Захаров А. В. Указ. соч. С. 387–390.

умерших).¹¹ В опубликованной в 1883 г. копии боярского списка 1712 г. оказался зафиксирован уже 121 дьяк (включая 16 умерших и двоих постригшихся в монахи).¹² Нельзя не отметить, что к началу 1710-х гг. персональный состав дьяческого корпуса существенно обновился: из 143 дьяков, вошедших в список 1699 г., в списке 1712 г. фигурировало лишь 25 (23,8%; без учета лиц, отмеченных в 1712 г. как умершие).

Применительно к началу 1710-х гг. в отношении дьяческого корпуса следует отметить две тенденции кадровой политики. Первая из них заключалась в нараставшем перераспределении дьяческих кадров между центральными и местными органами власти (что явилось следствием I губернской реформы). Достаточно сказать, что если в 1706 г. на службе в центральных ведомствах числилось 108 дьяков, то в 1715 г. — лишь 51 (без сведений по Посольскому приказу, Посольской и Артиллерийской канцеляриям).¹³ При этом в 1715 г. в Московской губернской канцелярии состояло 18 дьяков, а в Санкт-Петербургской — четверо. Вторая тенденция состояла в некотором размывании дьяческого корпуса: в отмеченный период дьяков начали время от времени назначать на новые должности по гражданскому управлению, что меняло их прежний чиновный статус. Так, в сенатских документах 1712 г. и 1715 г. оказались упомянуты четверо дьяков, ставших губернскими комиссарами при Сенате, и двое дьяков, ставших ландрихтерами.¹⁴ Для сравнения уместно вспомнить, что в боярском списке 1706 г. фигурировал единственный дьяк, назначенный на новую гражданскую должность (обер-инспектора), — А. А. Курбатов.¹⁵

Далее необходимо коснуться вопроса о порядке дьяческого чиновного производства в 1710-х — начале 1720-х гг. Для начала следует отметить, что, несмотря на то что *de jure* полномочия Правительствующего Сената по производству в старшие канцелярские чины были закреплены лишь в законе «Должность Сената» в редакции от 27 апреля 1722 г.,¹⁶ определение

в дьяки осуществлялось сенатскими указами начиная уже с марта 1711 г. За 1713–1722 гг. довелось выявить всего три случая, когда производство в дьяки последовало путем издания именных указов (Б. П. Степанова — 30 мая 1715 г. в Аптекарскую канцелярию, С. Г. Большова — 26 ноября 1718 г. в следственную канцелярию И. Н. Плещеева, К. Ф. Евреинова — 17 апреля 1719 г. в Канцелярию ладожского канального строения).¹⁷

Ординарный (хотя и не всегда соблюдавшийся) процесс производства в дьяки не отличался сложностью. Для начала коллегия, приказ или канцелярия направляли в Сенат доношение, в котором доказывалась необходимость произвести того или иного подьячего в дьяки (кончина, отставка или откомандирование прежнего дьяка, расширение штатов и т. п.). На основании этого издавался соответствующий сенатский указ. Далее новоявленный дьяк приводился к присяге (в Москве в Успенском соборе, в Санкт-Петербурге — в Петропавловском), и с него, по силе именованного указа от 23 мая 1715 г., взыскивалось 100 рублей на «пропитание больных и раненых». ¹⁸ Завершалось все оформлением в канцелярии Сената особого документа, которым орган власти, испытывавший нужду в новом дьяке, уведомлялся о состоявшемся производстве.

Теперь следует перейти к обозрению сведений о динамике производств в «чин дьячества» за последние десять лет его существования. На протяжении 1713 г. в дьяки было произведено 11 приказных служителей:¹⁹ восемь лиц стали дьяками в местных органах власти (72,7% производств); центральные ведомства пополнились, соответственно, тремя дьяками (27,3%).

В 1714 г. «чин дьячества» получили семь человек.²⁰ Правда с местами дьяческих назначений ситуация сложилась обратная той, какая была в предшествующий год: шесть человек стали дьяками в центральных и высших органах власти и учреждениях (85,7% производств), и лишь единственное производство состоялось в местный орган власти (14,3%).

¹¹ См.: Там же. С. 51.

¹² См.: Доклады и приговоры... / под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2, кн. 2. С. 111, 112.

¹³ См.: Захаров А. В. Указ. соч. С. 387–390. Ср. с данными сенатской справки от мая 1715 г. о дьяках, служивших в Москве и в Санкт-Петербурге: РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 793–796об.

¹⁴ См.: Доклады и приговоры... Т. 2, кн. 2. С. 102, 112; РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 796об.

¹⁵ См.: Захаров А. В. Указ. соч. С. 389.

¹⁶ Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 296.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 788, 917; Кн. 648. Л. 172.

¹⁸ Там же. Кн. 647. Л. 784. Публикацию указа см.: ПСЗ-1. Т. 5. № 2911. С. 158.

¹⁹ См.: Доклады и приговоры... СПб., 1887. Т. 3, кн. 1. С. 181, 182, 206, 282; СПб., 1888. Т. 3, кн. 2. С. 459, 498, 566, 907, 1264.

²⁰ Там же. СПб., 1888. Т. 4, кн. 1. С. 43, 325; СПб., 1891. Т. 4, кн. 2. С. 605, 961, 1269.

В 1715 г. количество дьяческих производств возросло более чем в два раза: на протяжении этого года их состоялось 16.²¹ Шестеро подьячих стали дьяками в центральных органах власти (37,5% производств), 10 — в местных органах (62,5%). Кроме того, в 1715 г. двоих дьяков востребовали на новые должности в гражданском управлении (в ландраты и в ландрихтеры Нижегородской губернии).²²

Между тем 1715 год принес дьякам не только значительное пополнение рядов, но и кардинальное изменение в оплате труда. Как известно, законом от 28 января 1715 г. в России впервые были введены единые оклады денежного и хлебного жалованья для государственных гражданских служащих всех уровней, состоявших в штатах губернских и иных местных органов власти.²³ Согласно этому закону, дьякам устанавливался оклад в 120 рублей и 60 четвертей хлеба в год (дьякам, работавшим в Санкт-Петербургской губернии и в «завоеванных городах», оклад полагался вдвое больше). Представляется очевидным, что включение дьяков в сетку новых окладов свидетельствует о том, что в 1715 г. законодатель и отдаленно не помышлял о ликвидации «чина дьячества».

Как бы то ни было, в последующие два года количество производств в дьяки резко сократилось: в 1716 г. их состоялось пять,²⁴ а в 1717 г. — всего четыре.²⁵ В 1716 г. трое подьячих стали дьяками в центральных ведомствах (60,0% производств) и два — в местных органах власти (40,0%). В 1717 г. в центральные и местные органы было произведено по два дьяка.

Подобную ситуацию, впрочем, можно объяснить. С одной стороны, в 1716–1717 гг. Петр I находился в длительной зарубежной поездке, вследствие чего никаких структурных изменений в отечественном государственном аппарате не происходило. С другой стороны, не приходится сомневаться, что осведомленные об умонастроениях царя «господа вышние командиры» пребывали тогда в некотором оцепенении, ожидания новой волны админист-

ративных преобразований. В малоприметном здании Сената в Петропавловской цитадели чем дальше, тем ощутимее сгущалась давящая атмосфера «затишья перед бурей».

И эта буря, как известно, грянула. В крайне сжатые сроки, на протяжении 1718–1721 гг., были проведены коллежская, судебная, II губернская и II городская реформы. Более того, в отличие от предшествующих изменений государственного аппарата, осуществлявшихся в большей мере бессистемно, начавшиеся в декабре 1717 г. административные преобразования планировались и проводились Петром I в жизнь во взаимной увязке, на твердой политико-правовой основе, в русле стратегической установки на широкое заимствование государственного и правового опыта Шведского королевства. Итогом этого реформирования должно было стать построение в России «полицейского» государства (*Polizeistaat*) по шведскому образцу.

Совершенно очевидно, что в подобной обстановке рано или поздно законодатель не мог не задуматься над вопросом о дальнейшей судьбе прежней системы российских канцелярских чинов. Столь же очевидно, что при той установке на всемерное использование зарубежного административного опыта, какая сложилась у Петра I в 1716–1717 гг., шансов оказаться сохраненными у старомосковских приказных чинов не оставалось. Впрочем, дело здесь было не только в субъективном настрое законодателя. Представляется неоспоримым, что любое значительное преобразование государственного механизма во все времена объективно сопровождается обновлением административной терминологии. Попытки именовать новые государственные и правовые институты (равно как и новые явления социальной жизни) архаичными терминами заведомо обречены на неудачу.

И тем более поразительно, что решение отвергнуть приказные чины сложилось у Петра I отнюдь не в одночасье. Еще в собственноручно написанной между октябрём и декабрём 1717 г. предварительной росписи коллегий и их штата будущий император обозначил в качестве главы коллежской канцелярии «секретаря или дьяка», а относительно низового звена канцелярских служащих отметил: «Подьячие трех статей». В свою очередь, в иерархической системе между подьячими и «секретарем или дьяком» в предварительной росписи штата коллегий впервые появились

²¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 754, 758, 761, 767, 771, 773, 776, 779, 788, 805, 809; Доклады и приговоры... СПб., 1892. Т. 5, кн. 1. С. 92, 143, 227, 234, 257, 261, 263, 378, 508; СПб., 1897. Т. 5, кн. 2. С. 750, 1006, 1103.

²² См.: Доклады и приговоры... Т. 5, кн. 1. С. 210, 495.

²³ См.: ПСЗ–1. Т. 5. № 2879. С. 139, 140. Новейшее рассмотрение данного закона см.: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 129–131.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 815, 821, 833, 838, 842.

²⁵ Там же. Л. 859, 864, 870, 872.

такие заимствованные из Швеции канцелярские должности, как «нотарий» (нотариус, шв. *notarie*), «актуарий» (актуариус, шв. *aktuarie*) и «регистратор» (шв. *registrar*).²⁶

А вот в утвержденном царем 11 декабря 1717 г. образцовом штате коллегии упоминание о дьяке уже исчезло, вместо чего появилась формулировка «I секретарь». Подьячие же трех статей в утвержденном штате благополучно сохранились.²⁷ Таким образом, на исходе 1717 г. еще недавно столь значимый «чин диачества» — предел мечтаний не одного поколения приказных — оказался не включенным в новоявленную систему коллежских должностей. В эту систему должностей не попал и чин «подьячий с приписью», иерархическую позицию которого заместили нотариус, актуариус и регистратор.

Новая система коллежских канцелярских должностей была окончательно закреплена в Генеральном регламенте от 28 февраля 1720 г., исходной основой подготовки которого, как известно, послужил шведский регламент «*Kansliordningen*» от 28 сентября 1661 г. Генеральному регламенту Петр I придавал особое значение: этот закон, увенчав собой систему регламентов отдельных коллегий, призван был завершить формирование нормативной основы деятельности реформированных центральных органов власти. По этой причине Генеральный регламент разрабатывался на редкость тщательно: достаточно сказать, что количество его черновых редакций достигло 12.²⁸

Уже в редакции А законопроекта (завершенной в декабре 1718 г.) в общий список канцелярских должностей не только не вернулось упоминание о дьяке (на месте которого незыблемо сохранился секретарь), но и исчезло упоминание о подьячих трех статей, место которых заняли «канцеляристы» и «копиисты».²⁹

²⁶ Законодательные акты Петра I. С. 218. Вопрос об исходной правовой природе заимствованных из Швеции канцелярских «рангов» нуждается в более глубоком осмыслении. По предварительным наблюдениям, «рангам» первоначально были свойственны признаки как чина, так и должности. Исходя из этого, применительно к периоду до издания Табели о рангах для именованного нотариуса, актуариуса, etc. представлялось бы более корректным использовать термин «чин-должность». В рамках настоящей статьи эти «ранги» будут обозначаться, однако, более принятым в литературе термином «должность».

²⁷ Там же. С. 217.

²⁸ Публикацию черновых редакций см.: Законодательные акты Петра I. С. 413–482. Об истории создания Генерального регламента наиболее подробно см.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 151–154.

²⁹ Законодательные акты Петра I. С. 435.

Несмотря на то что, как показал К. Петерсон в монографии 1979 г., Генеральный регламент в окончательной редакции имел мало общего с регламентом «*Kansliordningen*» 1661 г.,³⁰ старомосковские приказные чины в нем так и не появились. Таким образом, с утверждением Генерального регламента «подьяческой чин» оказался бесповоротно замещенным в коллежских канцеляриях заимствованными из Швеции должностями канцеляриста (шв. *kanslist*) и копииста (шв. *kopist*).³¹

Однако исключение приказных чинов из номенклатуры коллежских должностей еще не означало, что эти чины не могли быть сохранены в иных звеньях форсированно реформированного государственного аппарата России. В первую очередь здесь необходимо вспомнить опубликованную Н. А. Воскресенским интереснейшую записку, собственноручно написанную Петром I 26 ноября 1718 г. В записке содержался перечень должностей, утвержденных в местных административных и судебных органах Швеции, с переводом их на русский язык. Третьей позицией в перечне царь отметил: «...Лантсекретарь — земской дьяк».³² Это означало, что в последние месяцы 1718 г., в разгар подготовки II губернской реформы, Петр I вовсе не исключал использования термина «дьяк» (хотя и в несколько модернизированном виде) для обозначения главы канцелярии в преобразуемом местном органе власти — взамен шведского термина «*landssekreterare*».

Начертанному собственной рукой царя термину «земской дьяк» в самом деле было суждено оставить след в российском законодательстве. 20 апреля 1720 г. был утвержден поныне малоизученный «Наказ земским дьякам или секретарям об исправлении их должности»,³³ изданием которого завершилось формирование нормативной основы II губернской реформы. Итак, можно заключить, что в 1717–1720 гг. чин дьяка, будучи *de jure* заменен на чин секретаря в центральном сегменте реформированного государственного аппарата, благополучно

³⁰ См.: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 118–122.

³¹ Н. А. Смирнов, исходя из формально-лингвистического подхода, ошибочно связал перенесение на российскую почву термина «канцелярист» с польским «*kancelarzysta*», а термина «копиист» — с немецким «*copist*» (Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сб. ОЯС. СПб., 1910. Т. 88, № 2. С. 131, 161).

³² Законодательные акты Петра I. С. 63. Подробнее об этом см.: Peterson C. Op. cit. P. 253, 254.

³³ ПСЗ-1. Т. 6. № 3571. С. 182–186.

сохранился в сегменте местном. На практике все сложилось, однако, совсем иначе.

Но прежде чем переходить к обзору динамики производств в дьяки и секретари в 1718–1722 гг., следует остановиться на вопросе о зарождении на российской почве «секретарского чина». По мнению Н. А. Смирнова, термин «секретарь» произошел от польского «*sekretarz*». Позднее М. Фасмер указал, что этот термин мог восходить еще и к немецкому «*Sekretär*».³⁴

Сначала в России появился чин «тайного секретаря». В этот чин в 1703 г. был произведен переводчик Посольского приказа П. П. Шафиров.³⁵ Учитывая, что он служил переводчиком с немецкого языка³⁶ и неоднократно бывал в германских государствах, можно с уверенностью сказать, что новый чин явился калькой с прусского термина «*Geheimsekretär*». Инициатором перенесения в отечественный бюрократический обиход чина «*Geheimsekretär*», вероятнее всего, выступил сам Петр Шафиров. Входящий в ту пору в ближайшее окружение царя, Петр Павлович, несомненно, имел возможность выхлопотать у Петра I им самим же предложенный «новоманерный» чин.

Как бы то ни было, чин тайного секретаря дальнейшего распространения не получил, более никому не присваивался и прекратил бытование после состоявшегося 16 июля 1709 г. производства Петра Шафирова в подканцлеры.³⁷ Кроме того, следует отметить, что, по данным А. В. Захарова, в боярских списках 1706–1710 гг. с не повторявшимся более чином «генерального писаря и секретаря» упоминался бывший резидент в Польше Л. С. Судейкин.

Первым же «чистым» российским секретарем стал старый подьячий Посольского приказа В. В. Степанов, произведенный в этот чин 13 апреля 1707 г.³⁸ Вторым по счету в секретари (вновь в Посольский приказ) был произведен 9 мая 1708 г. старый подьячий Малороссийского приказа П. В. Курбатов.³⁹ Дальнейшие производства в «секретарской чин» последовали

опять-таки в дипломатическом ведомстве: в 1710–1711 гг. в секретари в Посольский приказ были произведены переводчики М. П. Шафиров (младший брат подканцлера), А. И. Остерман, Г. Волков.⁴⁰

В 1711 г. в системе российских канцелярских чинов появился чин «обор-секретаря» (обер-секретаря). Чин этот восходил, несомненно, к немецкому термину «*Ober-sekretär*» (вообще приставка «*ober-*» употреблялась тогда именно в германском бюрократическом обиходе⁴¹). Чин обер-секретаря был введен в связи с учреждением 22 февраля 1711 г. Правительствующего Сената. В самый день основания Сената в данный чин был произведен бывший президент Ижорской канцелярии (а до того дьяк) А. Я. Щукин.⁴²

По всей вероятности, изначально чин обер-секретаря увязывался с должностью руководителя канцелярии Сената. Довелось встретить, правда, свидетельство о чуть было не последовавшем в 1711 г. втором производстве в обер-секретари. В письме подканцлеру П. П. Шафирову от 25 сентября 1712 г. секретарь В. В. Степанов между прочим пооткровенничал о том, что «государыня царица в прошлой год обещала исходатайствовать у государя обор-секретарство, и тем от ево ж был обнадеживан...»⁴³

Судя по всему, речь в письме шла о возможном производстве Василия Степанова в обер-секретари отнюдь не в Сенат (позиции А. Я. Щукина были незыблемы), а в Посольскую канцелярию. Как бы то ни было, новый чин В. В. Степанов так и не получил, и Анисим Щукин оставался единственным в России обер-секретарем до 1719 г., когда начались производства в обер-секретари в новоучрежденные коллегии.

Чтобы завершить обзор вариаций чина секретаря в 1700–1710-е гг., необходимо добавить, что в упоминавшейся выше редакции проекта Генерального регламента был предусмотрен «штац-секретарь» — первый помощник главы ведомства.⁴⁴ Однако этот чин (восходивший, неоспоримо, к шведскому термину «*statssekretare*») оказался устранным

³⁴ См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 273; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. 2-е изд. М., 1986. Т. 3. С. 593.

³⁵ РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 170. Л. 30б. С. А. Белокуров ошибочно указал, что П. П. Шафиров был пожалован в тайные секретари в 1704 г. (Белокуров С. А. Указ. соч. С. 129).

³⁶ РГАДА. Ф. 138. 1695 г. № 3. Л. 2.

³⁷ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 295.

³⁸ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 129.

³⁹ РГАДА. Ф. 160. 1708 г. № 2. Л. 54.

⁴⁰ Там же. 1711 г. № 10. Л. 9; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 129, 130.

⁴¹ См.: Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 109.

⁴² См.: Законодательные акты Петра I. С. 197.

⁴³ РГАДА. Ф. 160. 1712 г. № 19. Л. 390б.

⁴⁴ См.: Законодательные акты Петра I. С. 417.

уже в редакции Д законопроекта и не вошел в состав российских гражданских чинов первой четверти XVIII в. Зато в 1720 г. в официальном обиходе начал использоваться термин «земский секретарь», как на шведский манер стали именовать главу канцелярии реформированных местных органов власти. Насколько удалось установить, первым этот чин получил подьячий Федор Истомина, произведенный 19 августа 1720 г. в земские секретари в Великолукскую провинциальную канцелярию.⁴⁵

Переходя к вопросу о динамике производств в дьяки и секретари после 1717 г., следует отметить, что в 1718 г. суммарное количество таких производств достигло 16:⁴⁶ в дьяки состоялось 11 производств (68,7%), а в секретари — 5 (все в Посольскую канцелярию) (31,3%). В центральные и местные органы власти в 1718 г. состоялось равное число производств — по восемь.

В 1719 г. в секретари и дьяки был произведен 21 канцелярский служитель:⁴⁷ 11 — в дьяки (52,4% производств), и 10 — в секретари (47,6%). В высшие и центральные органы власти состоялось 16 производств (76,2%), в местные — 5 (23,8%). В 1720 г. в дьяки и секретари (земские секретари) произвели 46 лиц:⁴⁸ в дьяки — 15 (32,6% производств), в секретари — 31 (67,4%). Центральные органы пополнились в 1720 г. 15 дьяками и секретарями (32,6%), местные органы — 31 (67,4%).

В 1721 г. производств в дьяки и секретари (земские секретари) состоялось 23.⁴⁹ Несмотря на уже проведенные к этому времени масштабные административные преобразования, число дьяческих и секретарских производств оказалось почти одинаковым. Дьяками в 1721 г. стало 11 приказных служителей (47,8% производств), секретарями — 12 (52,2%). В дьяки и в секретари в центральные органы власти было произведено 18 лиц (78,3%), в местные органы — 5 (21,7%).

И даже в 1722 г., на пятом году построения в нашей стране «*Polizeistaat*», из 52 произ-

водств в старшие канцелярские чины дьяческих оказалось пять (9,6%).⁵⁰ А вот после 1722 г. чин дьяка более никому уже не присваивался. Насколько удалось установить, последнее в истории отечественной государственности производство в «чин дьячества» состоялось 8 мая 1722 г., когда подьячий Василий Воронов был произведен в дьяки в переписную канцелярию Сибирской губернии.

В 1718–1722 гг. в отношении производств в дьяки и секретари возможно отметить две тенденции кадровой политики. Первая из них заключалась в том, что с 1719 г. начались производства в секретари из дьяков (что свидетельствовало об окончательном статусном размежевании этих чинов). Так, в 1719 г. секретарями стало трое дьяков (двое в Сенате, один в Юстиц-коллегии), в 1720 г. — один (в Астраханской губернской канцелярии), в 1721 г. — четверо (в Сенате, в Тайной канцелярии, в следственной канцелярии П. М. Голицына, в Санкт-Петербургской провинциальной канцелярии). В 1722 г. в секретари было произведено восемь дьяков. Кроме того, 13 июня 1722 г. появился сенатский указ, согласно которому дьякам Главного магистрата надлежало впредь «писатца секретарями».⁵¹ Издание подобного указа было вполне объяснимым: в учрежденном в 1720 г. коллегиально устроенном Главном магистрате по состоянию на декабрь 1721 г. числилось три дьяка и не было ни одного секретаря.⁵²

Вторая тенденция кадровой политики состояла в том, что в описываемый период производство в дьяки происходило не только в «старые учреждения» (как отметил Е. В. Анисимов⁵³), но и в реформированные органы власти. Даже в коллегии (вопреки образцовому штату 1717 г. и Генеральному регламенту) в 1719–1722 гг. состоялось семь дьяческих производств. Что примечательно, пять из этих производств (относившихся к 1720–1721 гг.) пришлось на Камер-коллегию (причем на ее центральный аппарат). По всей вероятности, возглавлявший в ту пору коллегию Д. М. Голицын испытывал некое тяготение к «чину дьячества».

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1885. Л. 242.

⁴⁶ Там же. Кн. 647. Л. 874, 876, 880, 884, 887, 890, 898, 906, 911, 914, 924; Кн. 42. Л. 920б.

⁴⁷ Там же. Кн. 648. Л. 7, 27, 109, 172, 249, 264, 341, 451, 543; Кн. 1882. Л. 56, 135, 161, 167; Кн. 1884. Л. 150б., 17; Ф. 138. 1719 г. № 1. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 649. Л. 59, 69, 74, 128, 219, 262, 383, 444, 482, 508, 540, 561, 590, 595, 625, 641, 651; Кн. 1885. Л. 132, 182, 185об., 242; Кн. 1886. Л. 1150б., 118, 199, 326.

⁴⁹ Там же. Кн. 198. Л. 8; Кн. 650. Л. 24, 27, 61, 66, 118, 185, 338, 341, 396, 432; Кн. 1887. Л. 900б., 109, 1680б., 202.

⁵⁰ Там же. Кн. 1889. Л. 340б.–35, 122, 1220б., 1300б.–131, 1750б.

⁵¹ Там же. Л. 279.

⁵² См.: Водарский Я. Е. Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сб. ст. М., 1961. С. 112.

⁵³ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 190.

Но особенно часто в дьяки производили в «майорские» следственные канцелярии (семь производств 1718–1721 гг.), в Канцелярию рекрутного счета (три производства того же времени) и в переписные канцелярии (три производства 1722 г.). С другой стороны, в губернские и провинциальные канцелярии в 1719–1722 гг. производились исключительно секретари либо земские секретари. Ни одного производства в дьяки (земские дьяки) в эти органы так и не последовало.

Уместно добавить, что в 1719 г. в России появился еще один старший канцелярский чин — донныне не упоминавшийся в литературе «канцлейдиректор» (несомненная калька с прусского термина «*Kanzleidirektor*»). Этим чином начали тогда именоваться два видных петербургских чиновника — секретарь походной канцелярии А. Д. Меншикова А. Я. Волков и дьяк Ревизион-коллегии А. С. Маслов. Трудно сказать, кто из них первым прознал о звучном прусском чине (более вероятно, что это был Алексей Волков, успевший поехать со своим «патроном» по европейским краям). Как бы то ни было, но век чина канцлейдиректора на российской почве оказался короток. Алексей Яковлевич Волков уже 28 мая 1719 г. стал обер-секретарем Военной коллегии, а Анисим Маслов 17 декабря 1720 г. — обер-секретарем Ревизион-коллегии.⁵⁴

Утверждение 24 января 1722 г. «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных», как известно, подвело черту под реформированием Петром I системы как российских гражданских чинов в целом, так и канцелярских чинов в частности. Особое значение Табели о рангах для канцелярских чинов состояло в том, что, во-первых, в их составе были окончательно закреплены пришедшие на смену приказным чинам такие чины, как обер-секретарь, секретарь, нотариус, актуариус, регистратор (земский секретарь, канцелярист и копиист в Табеля не попали); во-вторых, заимствованные из Швеции исходно как чины-должности нотариус, актуариус и регистратор, согласно ст. 17 Табели, окончательно обрели правовую природу чина.⁵⁵

Однако даже издания Табели о рангах оказались недостаточным для окончательного

упразднения «чина дьячества». 14 января 1726 г. был подписан донныне не вводившийся в научный оборот сенатский указ, в котором всем дьякам, находившимся на государственной службе, было предписано «писатца секретарями».⁵⁶ Но эпопея с чином дьяка не завершилась и на этом.

Как явствует из опубликованных материалов Верховного Тайного Совета, на заседании 13 марта 1727 г. был неожиданно поднят вопрос о необходимости заново ввести чины дьяков и подьячих с приписью в штаты местных органов власти. Согласно журнальной записи, решение «верховников» звучало безапелляционно: «...надобно определить так, как прежде бывало: где были дьяки, тут быть дьяком, а где не были, тут с приписью».⁵⁷ Затруднительно в точности сказать, кого именно из четырех участников заседания — А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина или Д. М. Голицына — посетила мысль частично восстановить приказные чины. С некоторой долей уверенности можно предположить, что мысль эта принадлежала известному своими консервативными взглядами Дмитрию Голицыну, шестью годами ранее столь упорно сохранявшему дьяков во вверенной ему Камер-коллегии.

Что бы там ни было, но возвращения чинов дьяков и подьячих с приписью в 1727 г. не состоялось. В обстановке нового витка борьбы за власть в высшем руководстве страны, который последовал после кончины Екатерины I, вопрос о судьбе старинных приказных чинов оказался не самым первоочередным. «Чину дьячества» суждено было наконец уйти в административное небытие.⁵⁸

Последним же дьяком России, по всей очевидности, необходимо признать М. С. Козмина. Начавший приказную службу в 1703 г. в 12-летнем возрасте, Матвей Козмин 9 февраля 1720 г. был произведен из подьячих в дьяки в Камер-коллегию. Будучи переведен в сентябре 1722 г. в канцелярию Сената, Матвей

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1950. Л. 47.

⁵⁵ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730 гг. Т. 3 // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 241.

⁵⁶ Очевидным (хотя и запоздалым) отголоском мартовских обсуждений 1727 г. явилась челобитная, поданная в августе 1728 г. секретарем из бывших дьяков А. Ижориным. В ней Антон Ижорин просил определить его дьяком в Олонце, мотивируя это тем, что «в прошлых годах в городе Олонце... были дьяки, а ныне на Олонце... дьяка не имеетца» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 702. Л. 291об.). Насколько удалось установить, челобитная А. Ижорина осталась без удовлетворения.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 648. Л. 666, 668; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 425.

⁵⁵ См.: Законодательство Петра I / под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 396, 401.

Семенович стал там секретарем, а в октябре 1724 г. — обер-секретарем.⁵⁹ Достижий впоследствии чина действительного статского советника и должности вице-президента Камер-коллегии, М. С. Козмин скончался 29 декабря 1764 г.⁶⁰ С уходом из жизни Матвея Козмина история дьяческого корпуса завершилась окончательно.

Подводя итог изложенному выше, следует констатировать, что старомосковские канцелярские чины разделили судьбу приказной системы, далеко не в одночасье, но кардинально и бесповоротно преобразованной Петром I. Не имевший шансов сохраниться в конструкции «*Polizeistaat*» дьяческий чин был, однако,

слишком глубоко вплетен в ткань российской бюрократической традиции, и оттого его вытеснение из официального обихода происходило отнюдь не просто и заняло не один год. А вот влиятельнейшая роль в делах управления и суда, которую дьяки играли в XVI–XVII вв., вполне перешла к новоявленным секретарям. Эта значимая роль главы канцелярии — законоискусника и знатока административных процедур — сохранялась до тех пор, пока на руководящие должности в государственном аппарате России не стали назначаться лица, отвечавшие высоким квалификационным требованиям. Но это была уже совсем другая эпоха.

Ключевые слова: *Петр I, административные преобразования, гражданские чины, дьяк, секретарь*

THE LAST OF THE D'YAKS: FROM THE HISTORY OF REFORMS OF THE CIVIL SERVANTS' SYSTEM IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY

The article deals with the issue of reforms of the system of the old Moscow civil service of the first quarter of the 18th century, the replacement of the old office titles with “ranks” borrowed from Sweden and Prussia. The author described in great detail the long process of liquidation of the d'yak office, which extended till 1726. At the same time he examined the evolution of the d'yaks body during the period of the administrative reform of Peter the Great, demonstrated the mechanism of appointment to the d'yak's and the secretary's positions in 1713–1722.

Dmitry O. Serov

⁵⁹ Там же. Кн. 649. Л. 74; Кн. 1889. Л. 647об.; Кн. 1932. Л. 45.

⁶⁰ См.: Надгробные надписи, находящиеся в Никитском московском девичьем монастыре // Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 19. С. 371.